

Пинси, столица Дунфань.

Глядя с городской стены на то, как Жун Тянь входит в ворота, бесстрашно и величаво ведя за собой десять тысяч отборных войск, Ле Чжунлю, хоть внешне казался очень спокойным, в душе всё же вздохнул с облегчением.

В условиях крайней настороженности всех одиннадцати стран взять с собой огромное войско и тайно приехать сюда — действительно непростая задача. Лишь после того, как крайне необходимые войска прибыли сюда, в его подготовленный грандиозный план можно было добавлять важное звено — обучение солдат.

Какой стране для войны не потребуется мощь огромного войска?

Вместе со слугами пройдя в подготовленную приёмную, Жун Тянь сказал лишь одну фразу и вслед за тем изъявил желание повидаться с Ле Чжунлю.

— Государь.

Без усталости проделывая путь, Жун Тянь исхудал на два фэня[1], его лицо стало угловатым и чётко очерченным. Слегка кивнув своим прежде размещённым в Дунфань приближённым, император Силэй напрямик направился к беззаботно стоящему впереди Ле Чжунлю, подойдя к которому, с важным видом поприветствовал его и, взяв за руку, искренне рассмеялся:

— С большим трудом добрался, господину министру не обязательно тратить время на все эти пустые церемонии, этот император предполагает, что Вы прибыли в Дунфань много дней тому назад и наверняка уже во многом продвинулись вперёд.

— Государь, Ле Чжунлю позволит доложить обо всём по порядку.

— Надеюсь, это не займёт много времени. — Держась плечом к плечу, мужчины прошли в комнату, и, несмотря на суету, Жун Тянь снял с себя накидку, которую немедля положил на спинку стула. — Господин министр, говорите, этот император слушает.

— Во-первых, оружейные мастерские. В Дунфань изначально существовало двенадцать мастерских, и всеми ими заведовали военные министры. Я же из этих двенадцати сделал всего лишь пять мастерских, объединив опытных ремесленников и накопленное сырьё, тем самым уменьшив количество и увеличив масштаб, к тому же теперь удобно держать их под контролем.

— Хорошо, — ответил Жун Тянь. — Таким образом, производимое оружие станет во много раз лучше.

— Во-вторых, провозглашение указа «О равной милости». Я уже приказал людям разослать

указ «О равной милости» по всем уголкам Дунфань, более того, наказал грамотным людям специально огласить публично для большего распространения.

На что Жун Тянь равнодушно изрёк:

— Не только нужно оглашать, но и как можно скорее найти несколько чиновников, чтобы те отвечали за множество талантливых людей, которых будем принимать на службу. Солдатам, каждому выходцу из народа, особенно тем, у кого есть боевые заслуги, нужно позволить прославиться.

Посмотрев на Жун Тяня, Ле Чжунлю слегка изогнул губы. Его строгие манеры и сегодняшний аккуратный наряд соответствовали положенному облику министра. По улыбке, которой мужчина одарил императора Силэй, повернувшись к нему, было понятно: три оставшихся пункта пустяковые.

Увидев его улыбку, Жун Тянь понял, что Ле Чжунлю думает о том же, о чём и он сам, потому отнёсся к ситуации безразлично и, перелистывая ту кипу документов, которую передал ему мужчина, откровенно проговорил:

— Этот император действительно только мечтает поручить эти дела господину министру. Разве можно винить этого императора? А раз уж господин министр дал своё согласие, то прекрасно понимает, что будет вовлечён в дальнейшее развитие дел. Тем более предложение касательно путешествия Фэн Мина по странам выдвинули именно Вы, господин министр.

После чего мужчина поднял кисть и на официальном документе, зачеркнув «в три дня одна лу[2] риса», написал «в два дня» и, вернув Ле Чжунлю, посмотрел на него:

— Чтобы солдат воевал, прежде всего позволь ему насытиться, ещё необходимо излишки еды оставлять на чёрный день. Одна лу в три дня — слишком мало, а одна лу в два дня — достаточно. Это передай молодому князю Дунфань, дабы он скрепил печатью и издал указ.

Затем, успешно просмотрев каждую страницу официального документа, Жун Тянь не высказал ни одного возражения, а в душе, наоборот, восхитился Ле Чжунлю, который справлялся с делами поистине как следует, и, вопреки ожиданиям, больше не нашёл ни единого пункта, чтобы внести поправки.

Жун Тянь, мысленно похвалив мужчину, пробежал взглядом по последнему листу и, подписав, отдал все бумаги Ле Чжунлю, который, вытянув руку, взялся за них, но император Силэй не спешил отпускать и, пристально заглянув в глубокие глаза министра, приглушённо сказал:

— Все эти дни господин министр работал не покладая рук.

Ле Чжунлю сверкающим взглядом одарил Жун Тяня, казалось, от него некуда скрыться, под

влиянием своей дерзости неожиданно появилось чувство невозможности укрыться, на губах появилась шелковинка невольной горькой улыбки, и, покоровшись обстоятельствам, мужчина медленно поведал то, что таилось в глубине сердца:

— Пустяковые официальные дела разве трудны? В действительности самое трудное — сообщать государю плохие вести.

Жун Тянь внезапно очень удивился:

— Какие плохие вести загнали министра в затруднительное положение?

— Я только что получил вести из Ли.

— О Жо Яне?

— С тех пор как правящий род Фаньцзя был вырезан Лун Тянем, государство Фаньцзя погибло, сердца людей охвачены смутой, и боевой дух в них угас. Жо Янь, полагаясь на мощь многочисленной армии, почти не встретил сопротивления, и недавно Фаньцзя попало в руки императора Ли.

Жун Тянь ослабил пальцы, позволяя Ле Чжунлю забрать документы, и с невозмутимым лицом проговорил:

— Император уже давно ждал падения Фаньцзя.

— Но, одержав большую победу, войско Ли отправилось к столице Фаньцзя. Жо Янь, в свою очередь, приказал своему генералу Чжо Жаню поторопиться и взять страну под контроль. А личная повозка императора Ли под охраной конвоя немедленно повернула назад в Ли.

— Повернула в Ли? — Жун Тянь, подумав, сказал: — Подобное можно понять, в сравнении с Фаньцзя Ли, в конце концов, является опорой Жо Яня. Он, раненый, долгое время находился без сознания, после пробуждения сразу же направился в Юньинь и затем немедленно поехал в Фаньцзя; чиновники, как и народ Ли, уже давно не видели своего государя, их сердца охвачены смутой, и если с Ли произойдет несчастье, Жо Яня сразу же настигнет беда. Так он уже вернулся в свою столицу — Литун?

— Если бы он вернулся в Литун, разве тогда был бы повод для волнения? Жо Янь приказал принцессе Мяо Гуан отправляться в столицу и взять на себя управление императорским дворцом, а также ответственность за государственные дела, при возникновении чего-то важного только тогда седлать рысака и мчаться к Жо Яню. Государь, Ваши предположения насчет того, куда так спешит личная повозка с охраной императора Ли?

Плохое предчувствие охватило душу, и Жун Тянь взглянул на Ле Чжунлю. Подведя императора

Силэй к большой карте, что висела перед главным внутренним двором, и указав пальцем на неприглядное пятнышко, что красовалось среди остальных таких же пятен-обозначений, министр попросил:

— Посмотрите сюда.

— Тяньинь? — на выдающимся лице Жун Тяня появилась шелковинка недоверия.

Если бы не его стремление объединить всю Поднебесную и ежегодное изучение географических рельефов всех стран, вряд ли бы удалось вспомнить название этого городка.

Этот маленький город являлся самым что ни на есть обычным, а Жо Янь, сейчас остро нуждающийся в спокойном настроении граждан Ли, почему не выбрал лично встать на охрану своего императорского дворца, наоборот, решил спешно отправиться в такое непримечательное место?

Вытянув указательный палец, Жун Тянь погладил ничем не приглядное пятнышко на карте. Этот город, располагающийся на границе Ли, почти прилегая к границам двух других стран: Юньинь и Боцзянь, уже некогда из-за военной смуты был восстановлен, однако после пришёл в запустение. Жо Янь укрылся там, мало того, что он не выбрал свою уютную столицу — Литун, так ещё требовалось наверняка потратить определённое количество военной силы для его защиты, подобная «главная» позиция приносила, в отличие от Ли и Фаньцзя, куда больше вреда, чем пользы, если только не...

Подумав об одной вероятности, Жун Тянь немного изменился в лице:

— Он ждёт новостей? Или кого-то?

Похоже на то.

Своеобразная позиция Тяньинь могла принести лишь одну пользу Жо Яню — любая весть из Боцзянь или Юньинь, или же приезд кого-то, позволяла как можно скорее добраться до императора Ли.

Никакая новость не могла так соблазнить Жо Яня. В таком случае что за человек заставил императора Ли проигнорировать столь важные вопросы касаясь Фаньцзя и Ли и, не жалея сил, поспешить в Тяньинь?

Вблизи границы Юньинь...

— Фэн Мин, — холодный тон Жун Тяня прервал мысли, глаза заполонило желание убивать. — Он осмелился вновь завладеть Фэн Мином.

«Вновь» было произнесено с ненавистью и жестокостью, словно Жо Янь, ещё чуть-чуть, и сдавил бы сердце императора Силэй. Но один глубокий вдох, затем другой, что последовал немедленно, заставили успокоиться, и, найдя взглядом Ле Чжунлю, Жун Тянь невозмутимо проанализировал:

— Согласно докладу Мянью Я Фэн Мин должен был продолжить путь и пристать к берегам Тун. Если же цель Жо Яня лишь Тяньинь, то значит, между ним и Фэн Мином огромный промежуток. Что же он, в конце концов, задумал?

— Теперь государь понимает, что я подразумевал под «плохими вестями»? — пожал плечами Ле Чжунлю и, тяжело вздохнув, горько засмеялся. — На войне самые плохие новости, которые ужасают, — не знать, что же, в конце концов, задумал враг.

— Не важно, что он задумал. — Повернувшись, Жун Тянь взял замаранный пылью плащ и, отряхнув, вновь накинул на плечи и застегнул у шеи, при этом взгляд императора Силэй стал решительным. — Этот император немедля отправляется в путь и мчится в Тун.

Когда он прибудет в Тун, возьмёт того навлекшего на него тоску мальчишку и крепко обнимет, в объятиях раскрошит так же, как разбилось тоскующее сердце императора Силэй. Обнимет его, раскрошит его и, воспользовавшись случаем, проглотит и никогда не выплюнет ни кусочка.

С этого момента он больше никогда не встревожится из-за своего феникса.

Страна Тун.

По прибытии к пристани Фанди Его Светлость встретил торжественный приём, который оказался сверх всяких ожиданий.

— Приветствуем молодого господина Сяо! — раздались прекрасные, как один, мелодичные голоса, оказалось, среди встречающего войска находилась группка женщин, специально подготовленная встречать гостей.

Наряду с этим приветствием раздалась музыка, словно подпевая девичьим голосам. Плотная красная дорожка, расстеленная на сходни из сандалового дерева, с помощью которых можно было сойти с корабля, от большой джонки рода Сяо протянулась до первой половины пристани Фанди. Величественные, с оружием в руках солдаты Тун тотчас же выстроились в шеренгу.

Большой флаг, представляющий благосклонное присутствие царствующего дядюшки Тун — Цин Чжана, также являлся государственным флагом, а с левой и правой сторон каждый из двадцати шести отрядов держал тридцать три высоко развевающихся на ветру бледно-синих флага. В Тун таким приёмом обычно встречали самых достопочтенных гостей страны.

Однако не каждый знатный гость удостоивался чести быть встреченным лично Его Величеством царствующим дядюшкой. По отношению к собственной персоне, желанность которой росла с бешеной скоростью, Фэн Мин просто остолбенел.

— Сидящий впереди облачённый в тёмно-синий наряд мужчина в высокой шапке — это царствующий дядюшка Тун Цин Чжан, — на ухо говорил князю Жун Ху, чьё зрение было превосходным; смотря с палубы на встречающую их толпу, телохранитель Силэй выцеплял из неё важных фигур. — Рядом с ним в чёрном парадном платье Чжуан Пу. Этот человек является дворцовым генералом Тун и первым знаменитым мастером меча, по слухам, Цин Чжан очень уважает его.

Фэн Мин молча запоминал[3] слова телохранителя.

Благодаря последним дням, когда они стояли на якоре у берегов реки Оман, поздно спохватившись[4], он сейчас, в конце концов, своими глазами увидел, что обладает статусом высокоуважаемого гостя Тун, к тому же узнал, что ранг придворного генерала в Тун может сильно отличаться от чиновничьего места, и поскольку охрана правящего дома Тун и столицы, конечно же, лежит на плечах войска, то ими, очевидно, командует придворный генерал.

Царствующий дядюшка Тун и придворный генерал, кто бы мог подумать, пришли вместе на маленькую пристань, чтобы встретить его, князя...

Чувствуя недоброе, Фэн Мин приглушённо спросил у Жун Ху:

— Ты говорил, что, возможно, они уже знают, что голова Цин Дина находится у нас на корабле, потому, может, хотят, чтобы мы сошли на берег, а как только мы это сделаем, нас схватят и шлёп-шлёп — рухнем замертво?

Но в разговор вмешался пропитанный пренебрежением голос вездесущего Ло Юня:

— Если молодой господин боится, то нет нужды сходить на берег, можем сразу же поднять якоря и встать на прежний путь, у них небольшое войско, чтобы атаковать наши джонки, потому шансы на успех незначительные.

Хоть в его словах звучало пренебрежение, однако в них чувствовалась редкая и настоящая забота о князе. С того момента, когда он, Ло Юнь, узнал, что его матушка приехала в Тун, вмешиваясь в случившееся, он совершенно не хотел, чтобы Его Светлость, будучи в Тун, колебался и трясся от страха.

— Как можно не сойти на берег? — Глядя вниз на величественное и необычайно торжественное приветствие, Фэн Мин хоть в душе был охвачен страхом, но старательно скрывал это в речи, и сказал дружелюбно со смехом: — Даже если я потеряю лицо, нельзя опозорить светлое имя Жун Тяня. Отдать приказ высадиться! — И, набравшись храбрости, первым направился к трапу.

— Молодой господин приказал! Сойти на берег!

— Убрать флаг!

Снова и снова чистым и звонким голосом юноша протяжно оповещал и, следуя за Фэн Мином, старался упорядочить шаги и идти ещё более спокойно.

— Объявляю! Молодой господин высаживается на берег! Молодой господин высаживается на берег!

Спустившись со средней палубы и пройдя по трапу, примыкающему к большой джонке и пристани Фанди, уже с давнего времени вызывающий любопытство у многих знатных персон всех стран князь Мин из Силэй сошёл с корабля и, наконец, возник перед взглядами встречающей его толпы.

Окружённый прекрасными служанками и телохранителями Фэн Мин держался спокойно, обладая миловидной внешностью и белой кожей, которая после купания окрасилась румянцем, под лучами весеннего солнца Его Светлость проявлял редко встречающиеся изящество и благородство.

Роскошный наряд с превосходными украшениями, безупречно[5] сочетавшимися между собой и подчёркивавшими красивое стройное тело князя, был подобран придирчивым взглядом трёх заботливых служанок, которые постарались на славу. В особенности выделялся обруч, что красовался на макушке в форме полумесяца с инкрустированным посередине «зёрнышком» искрящейся чёрной яшмы, а вокруг обруча обвивался золотой дракон, выполненный из золотой нити.

Это украшение нашла Цю Лань, тщательно перерыв каюту с семейными драгоценностями рода Сяо. На самом деле ещё в былые времена оно было подарено Пяо Жуном, который являлся одним из знатных людей, в качестве просьбы, чтобы Сяо Цзун принял его родного сына в ученики. В подношении мужчины скрывался ещё намёк, восхваляющий Сяо Цзуна как первого учителя Поднебесной, давая понять, что хоть господин и не являлся императором или удельным князем, но обладал почётом, сравнимым с положением любого государя одиннадцати стран.

Фэн Мин понимал, что любое его движение тайком ловится внимательными взглядами других, потому вёл себя сдержанно и следил за своим поведением, стараясь смотреться в глазах толпы изящно и оставить впечатление совершенно не трусливого человека.

На палубе и на берегу, издали и вблизи точка зрения меняется ещё больше, проникая в глаза, и обладает степенью визуального воздействия на людей.

Оставаясь спокойным, Его Светлость остановился на расстоянии лишь десяти чи[6] от Цин Чжана и его свиты, и первым делом с мгновение серьёзным взглядом окинул царствующего

дядюшку Тун, а после, демонстрируя прекрасные манеры, сложил руки в знак приветствия, отчётливо говоря:

— Царствующий дядюшка Тун удостоил личной встречей, чего не ожидал Фэн Мин, позволяя лицу покрыться потом[7] от переизбытка стыдливости. — Вслед за этим, вновь обнажив свойственную ему откровенную улыбку, спросил: — Один из слуг семьи Сяо разузнал о том, что царствующий дядюшка лично встретит нас, чем неожиданно обрадовал, сказав мне, что с царствующим дядюшкой молодой господин может подложить себе под голову высокую подушку и не знать забот[8], пребывая в Тун. Вот только неизвестно, оговорился ли он? — Его прямолинейность и манеры были настолько безупречными, что гневаться и мысли не возникало, наоборот, прибывший встречать Цин Чжан, как и остальные, опешил от заданного вопроса.

Цин Чжан ещё не успел ответить, как стоящий в стороне придворный генерал Чжуан Пу с улыбкой задал встречный вопрос:

— Молодой господин рода Сяо чувствует, что может попасть в беду, гостя у нас? Интересно, что беспокоит душу молодого господина Сяо, раз, не успев сойти с джонки, он начал волноваться о собственной безопасности? — В этих словах таилась шёлковая вата с иголками, намекая на участие Фэн Мина в расправе над государем Тун Цин Дином, и это звучало крайне жестоко.

Если на лице проявится виноватый вид, то достаточно одного движения пальцем Чжуан Пу, и выстроенные сзади в ряд солдаты, что ещё недавно так мило встретили гостя, могут сразу же скопом напасть, погрузив Его Светлость в кровавый хаос. Ещё больше беспокоило то, что раз они узнали и подготовились ко встрече именно здесь, то нельзя ручаться, что они также не подготовили многочисленное войско, тайно разместив его вблизи старой городской стены и в глухом лесу. И думать не смей проявлять свою слабость!

Всегда в решающий момент, когда дело шло не так, как хотелось, Фэн Мин старался выказать свой потенциал, и, поняв, что настал этот самый критический момент, с бесстрашной серьёзностью окинул Чжуан Пу взглядом чёрных, как оникс, глаз и, наконец, внезапно слегка поднял правую руку, жестом приказывая свите не следовать за ним.

Фэн Мин сделал глубокий вдох и вольготно шагнул вперёд, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки от генерала, и, спокойно встретившись с его взглядом, вежливо спросил:

— Придворный генерал думает, что моя совесть не чиста? — Сам же князь выглядел несказанно свободным и непринуждённым.

При таком близком расстоянии можно было разглядеть его красивые мягкие черты лица и безукоризненно ясные глаза. Пройдя множество учений как Жун Тяня, так и наставников, князь обрёл превосходные манеры и очарование, которые сочетались с его природной смелостью и искренностью, словно первоклассное оружие в психологической войне, которое также отлично подходило для «ближнего боя».

Слухи о том, что князь Мин уничтожил государя Тун и что каждый гражданин Тун мечтал отомстить ему за содеянное, ни для кого не были секретом, и вот сейчас он, Фэн Мин, совершенно безоружный[9], осмелился стоять перед знаменитым мастером меча Чжуан Пу, который мог без колебаний выхватить меч и тотчас же пронзить Его Светлость, но даже этот придворный генерал чуть не был застигнут врасплох.

Отойдя от изумления, Чжуан Пу в пронизанных солнечным светом глазах обнажил шелковинку восхищения и с достойным серьезным видом проговорил:

— Князь Мин действительно храбрый, Чжуан Пу только что был груб, прошу Вашу Светлость простить его за это.

— Ха-ха! Это лишь шутка, не более, к чему генералу Чжуану воспринимать её всерьёз? — привлекая их внимание, фальшиво рассмеялся царствующий дядюшка Цин Чжан, который до этого пристально смотрел на Фэн Мина.

Цин Чжану, единственному младшему брату Цин Дина, а сейчас царствующему дядюшке наследного принца Цин Ли, на самом деле было лишь тридцать с небольшим, но из-за пристрастия к вину, сексу и проявления чрезмерного аппетита его лицо стало тёмно-серым, к тому же полное набитое брюхо и тучность фигуры придавали ему вид самого что ни на есть пьяницы и развратника.

Немного отсмеявшись, мужчина заметил, как множество взглядов нацелено на него, и обратился к Фэн Мину:

— Благосклонный визит князя Мина в мою страну сочту за честь. Этот император от имени всей страны Тун приветствует князя Мина, и в городе уже приготовлено немного вина. Князь Мин не удостоит нас посещением? А ну-ка, ну-ка, прошу князя Мина проехать с царствующим дядюшкой Тун, заодно по дороге насладимся пейзажами нашей страны и городка Фанди.

Не дожидаясь княжеского ответа, мужчина взялся за рукав Его Светлости, что был поднят до предплечья. После чего встречающее гостей войско расступилось, давая дорогу, в конце которой стояла величественная и пышная повозка с гравировкой, что являлась меткой царствующего дома Тун. Эта повозка, конечно же, принадлежала Цин Чжану.

Однако Чжуан Пу спокойно спросил:

— Конвой дядюшки-императора[10] состоит из самых лучших мастеров меча, которые могут обеспечить князю Мину безопасность и в целости доставить до банкетного зала, или... у князя Мина есть никому не известная причина не ехать вместе с дядюшкой-императором?

Жун Ху, как и остальные охранники Его Светлости, слегка изменился в лице и обменялся с другими подчинёнными взглядами, выискивая спешный выход из положения.

Не говоря уже о том, если в повозке притаился подосланный убийца, разве тогда возможно будет уберечь князя Мина? И, как назло, охране ни в коем случае нельзя было перечить, ведь тем самым наносилось огромное оскорбление царствующему дядюшке Тун, а подозрение насчёт Его Светлости могло увеличиться в разы. К тому же разведка доносила, что наследный принц Цин Ли, который так жаждал убить князя Мина, мстя за отца-императора, являлся врагом царствующему дядюшке Цин Чжану, который наверняка мог принять сторону князя Мина, поэтому сейчас ни в коем случае нельзя было портить весьма добрые отношения между Его Светлостью и царствующим дядюшкой Тун!

Фэн Мин в душе тоже сетовал на это небольшое недоразумение. Откуда ему было знать, что Цин Чжан такой прямолинейный и сразу же «породнится», став старшим братом Его Светлости? Сейчас, когда одна рука находилась в плену у мужчины, да и ещё недавно сам князь по-геройски заявил, что не боится столкнуться с людьми Тун, если Его Светлость отмахнётся и откажется вместе ехать, разве тогда у него не покажется лисий хвост[11]?

Неправда-а! Какая же он лиса, ведь он же на самом деле не причастен к убийству Цин Дина. Он, скорее всего, как поросычья голова, которая добровольно прибыла «на дом» в качестве козла отпущения, и всё.

— Князь Мин, прошу.

— Угу... Принимаю приглашение царствующего дядюшки, — лицо князя расплылось в притворной улыбке, и, с бессилием посмотрев на жалких охранников, Фэн Мин взял руку Цин Чжана и последовал за ним.

— Князь Мин! — внезапно донеслось, когда Фэн Мин скрепя сердце уже было садился в повозку Цин Чжана. Своевременно подоспевший сзади Жун Ху, не обращая внимания на изумлённого и в то же время немного возмущённого Цин Чжана, с лёгкой улыбкой обратился к Фэн Мину: — Князь Мин запомнил наказ госпожи Яое? Чтобы ехать в повозке, нужно переобуться в тканевые проветриваемые туфли.

Поскольку Фэн Мин не мог понять, какую «обманку»[12] придумал Жун Ху, поэтому, конечно же, подыграл ему и, сделав ошеломлённое лицо, хлопнул себя по лбу, говоря:

— Верно-о, неожиданно запомнил матушкин наказ, хорошо, что ты напомнил. — И обратился к Цин Чжану со словами: — Царствующий дядюшка подождёт немного, так как семейные традиции строги, мне нельзя их нарушать.

Даже не встречавший госпожу Яое Цин Чжан был наслышан о причудливости характера этой женщины, потому сделал понимающий вид.

— Ваш подчинённый поможет князю Мину переобуться. — И, опустившись на колени, Жун Ху достал из-за пазухи пару новеньких матерчатых туфель, которые сшила то ли Цю Лань, то ли Цю Юэ, делая вид, что помогает снять с Его Светлости обувь.

Во время этой небольшой заминки спешно появился Ло Юнь с неизвестно откуда взятой подушкой в руках и сказал:

— Уже принёс специальную подушку для молодого господина. Позвольте Вашему подчинённому занести её в повозку и положить на место молодого господина? — Юноша и в обычное время не перебрасывался шутками, а сейчас, приняв крайне настороженный вид, словно при выполнении важного поручения, и вовсе стал ещё серьезнее.

Фэн Мин, конечно же, начал «толкать лодку по течению»[12] Данная фраза образно означает «торопиться делать что-либо, пока есть возможность», «действовать сообразно обстановке». и, обернувшись, крайне вежливо вопрошающе посмотрел на Цин Чжана.

Очень избалованных персон среди знати было немало, часто встречались и те, кто брал в путь свои «особые» вещи, например, принцесса наследного принца Тун Чан Лю, приехавшая из Чжаобэй, всякий раз, выходя из дома, обязательно брала с собой специальную скамеечку для ног, без неё принцесса отказывалась переступить даже через порог главного входа.

Фэн Мин, являясь князем Силэй, а также молодым господином рода Сяо, брал с собой любимую подушку, что тоже заслуживало снисхождения. Потому Цин Чжан, разумеется, не мог не согласиться.

Получив разрешение, Ло Юнь немедля, держа двумя руками «специальную подушку» князя, вошёл в повозку Цин Чжана и вскоре вышел, докладывая:

— Молодой господин, подушка уже лежит на своём месте.

Фэн Мин, угукнув, конечно, прекрасно понимал — Ло Юнь тщательно обыскал каждый уголок повозки, где мог притаиться убийца или могло быть спрятано какое-либо оружие. В этот же момент Жун Ху, медленно переобувавший Его Светлость, закончил свои дела и поднялся со словами:

— Уже поменял обувь, князь Мин может садиться в повозку.

Кстати, в это время Цю Лань вместе с близняшками, держа обеими руками квадратные тарелочки, на которых стояли горячий чай и несколько блюдец с засахаренными фруктами, поднесли их и, обратившись к Его Светлости, встали на колени:

— Князь Мин пожелал, чтобы эти служанки подготовили для царствующего дядюшки мандариновый чай и засахаренные фрукты, коими славится Юньинь, и вот уже всё готово. Царствующий дядюшка вместе с князем Мином, любуясь пейзажем, могут вкушать лёгкую еду[13] с чаем. Позвольте этим служанкам за вами поухаживать?

Такая расторопность как охранников, так и служанок привела Фэн Мина в восхищение.

За тот промежуток времени, что медлили, они умудрились обыскать повозку, и сейчас желательно было запихнуть туда трёх духов-защитников Его Светлости.

Не дожидаясь, пока князь вновь вопрошающе посмотрит на него, интересуясь мнением, Цин Чжан окинул взглядом три крайне очаровательных и красивых личика и с хохотом начал:

— Хорошо! Хоть в повозке есть чай, но, боюсь, он не такой вкусный, как тот, что заварен вами, маленькие красавицы, поднимайтесь и позаботьтесь о нас. Князь Мин, прошу. — И, потянув князя за руку, царствующий дядюшка сел в повозку.

Жун Ху вместе с остальными охранниками и конвоем Цин Чжана, оставшись снаружи, окружили величественную повозку, встав спереди и сзади. Цю Лань со служанками сразу же, держа тарелки, последовала за господами. Хорошо, что повозка Цин Чжана была большой, даже с пятью пассажирами она совершенно не казалась тесной.

Примечания:

[1] Фэнь — многозначное слово, может означать как одну десятую часть числа, так и меру веса, равную 0,5 г. Мы склоняется к первому варианту перевода, то есть Жун Тянь потерял две десятых от своего изначального веса.

[2] Лу 𪛗 — ёмкость для варёного риса, глубокое деревянное блюдо, а также это единица измерения зерна.

[3] 𪛗𪛗 — минци цзайсинь — хранить в сердце (душе), крепко запомнить.

[4] В оригинале фраза звучит как 𪛗𪛗𪛗𪛗 — линьци баофоцзяо — досл.: в трудный момент обнимать ноги Будды. Полная же фраза звучит как «обычно не возжигать благовоний, а как потребуется, броситься обнимать ноги Будды», обр. в знач.: ничего не делать, пока случай не заставит.

[5] В оригинале фраза звучит как «платье небожителей не имеет швов», обр. в знач.: совершенный, безупречный, идеальный.

[6] Чи — китайский фут (мера длины, равная 1/3 метра).

[7] Обр. застесняться, застыдиться.

[8] Данное выражение связано с идиомой 𪛗𪛗𪛗 — «подложить подушку под голову и не беспокоиться». Эта идиома происходит из истории о друзьях Мэне и Фэне, записанной в книге «Планы Сражающихся царств», известном историческом памятнике древнего Китая, и означает мирную и беззаботную жизнь.

[9] 𪛗𪛗𪛗 — чишоукунцюань — досл. «голая рука», т.е. голыми руками, невооружённый, беззащитный.

[10] В оригинале Чжуан Пу называет Цин Чжана Шу-ван (𪛗𪛗), что означает дядюшка-князь (император).

[11] В древности говорили, что лиса может принимать человеческий облик, сбивая с толку

людей, но её хвост никогда не меняется, символизируя колдовство. Эта метафора указывает на настоящий облик негодяя или свидетельство обмана. Более того, по легенде лиса, превратившись в человека, часто показывала свой хвост. Позже лисий хвост стал использоваться как метафора плохой идеи или поведения, которые в конечном итоге разоблачались.

[12] В оригинале фраза звучит как «прикидываться демоном», обр. в знач.: дурачить, обманывать, морочить.

[13] 小食 (xia oshí) — сяоши — лёгкая еда (к чаю), закуска.

<http://bllate.org/book/13377/1190230>